

УДК 323.23(091)(47+57)«1917/192»

ББК 63.3(2)61-3

И37

Редакционная коллегия серии

HISTORIA ROSSICA

*С. Абашин, Е. Анисимов, О. Будницкий, А. Зорин, А. Каменский,
Б. Колоницкий, А. Миллер, Е. Правилова, Ю. Слёзкин, Р. Уортман*

Редактор серии *И. Мартынюк*

Измозик, В.

- И37 Глаза и уши режима: государственный политический контроль в Советской России, 1917–1928 / Владлен Измозик. — М.: Новое литературное обозрение, 2024. — 536 с.: ил. (Серия Historia Rossica)

ISBN 978-5-4448-2298-2

После прихода к власти на волне революционных потрясений 1917 года большевики столкнулись с проблемой обеспечения политического контроля и лояльности. Как им удалось в течение десятилетия навязать обществу тоталитарные принципы управления, подавить политическую оппозицию, ростки гражданского общества и вообще любые проявления недовольства? Как обеспечивался этот режим контроля? В чем состояла его уникальность? Владлен Измозик в своей книге исследует становление системы политического контроля в СССР в 1917–1928 годах, рассматривая ее как сложносоставное явление. На основе архивных материалов автор, с одной стороны, демонстрирует, как секретная информация дозировалась на разных уровнях, порождая взаимозависимость между высшим политическим руководством и органами безопасности, а с другой — вскрывает противоречивость настроений российского общества 1920-х, неудовлетворенного результатами работы новой власти и одновременно пассивного, желающего стабильности и готового приспособливаться к сложившимся историческим реалиям. Владлен Измозик — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича.

УДК 323.23(091)(47+57)«1917/192»

ББК 63.3(2)61-3

В оформлении обложки использована фотография людей, ожидающих открытия столовой в Александровске, Украина. 1921. Библиотека Конгресса США.

© В. Измозик, 2024

© Д. Черногаев, дизайн обложки, 2024

© ООО «Новое литературное обозрение», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Введение	8
Часть I. Рождение политконтроля. 1917–1920 годы	
Глава 1. Политический контроль в Российской империи	36
Глава 2. Секретная информация парткомов	53
Глава 3. Наблюдает военное ведомство	66
Глава 4. Контроль налаживает ВЧК	97
Часть II. В целях своевременного и полного осведомления. 1921–1928 годы	
Глава 5. «Охватывать <...> партийную и советскую жизнь...»	142
Глава 6. С грифом «Совершенно секретно»	178
Глава 7. Партия — наш рулевой	285
Часть III. Политконтроль и российская повседневность. 1918–1928 годы	
Глава 8. Экономическая ситуация в оценке населения	328
Глава 9. Социально-мировоззренческие ориентиры российского общества	364
Глава 10. Политические настроения населения	416
Заключение	472
Приложение № 1. Форма цифровых данных о красноармейской корреспонденции за ... месяц	480
Приложение № 2. Руководящие сотрудники Информационного отдела и политконтроля ВЧК–ОГПУ	481
Перечень условных обозначений и сокращений	505
Источники и литература	507
Указатель имен	524

Нужно добиться того, чтобы у ЧК всюду и везде были зоркие глаза и хорошие уши.
Из приказа ВЧК от 1 сентября 1920 года

В В Е Д Е Н И Е

С падением идеологического железного занавеса российские историки оказались активными наблюдателями и участниками уже несколько десятилетий идущих на Западе дискуссий по проблемам тоталитарного общества: его определения, временных рамок, сущностных признаков, правомерности отнесения данного термина к тем или иным политическим режимам. Большинство исследователей в 1990-х сходилось во мнении, что тоталитаризм стал явлением XX века, проявившим себя наиболее четко в политических системах социалистического СССР, нацистской Германии и фашистской Италии¹. Вместе

¹ Борисов Ю. С., Курицин В. М., Хван Ю. С. Политическая система конца 20–30-х годов. О Сталине и сталинизме // Историки спорят. М.: Политиздат, 1989. С. 228–303; Бутенко А. П. Откуда и куда идем: взгляд философа на историю советского общества. Л., 1990; Головатенко А. Ю. Тоталитаризм XX века. Материалы для изучающих историю и обществоведение. М.: Школа-пресс, 1992; Джилас М. Лицо тоталитаризма: Сб. М.: Новости, 1992; Игрицкий Ю. И. Концепция тоталитаризма; уроки многолетних дискуссий на Западе // История СССР. 1990. № 6. С. 172–190; Он же. Снова о тоталитаризме // Отечественная история. 1993. № 1. С. 3–17; Корчагина М. Б. О перспективах достижения анти-тоталитарного согласия (К итогам международной конференции) // Полития. 1998. № 3. С. 96–100; Коческов Р.Х. Феномен тоталитаризма. Ростов-на-Дону: Ростовский университет, 1992; Поппер К. Р. Открытое общество и его враги: В 2 т. М.: Культурная инициатива, 1992; Работяжев Н. В. Политическая система тоталитаризма: структура и характерные особенности // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 1998. № 1. С. 3–23; Тоталитаризм и социализм: Сб. статей. М.: Философское общество, 1989; Тоталитаризм: что это такое? // Исследования зарубежных политологов: Сб. статей, обзоров, рефератов и переводов. Ч. 1, 2. М.: ИНИОН, 1993; см. также: Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990; Хабермас Ю. Демократия, разум, нравственность. М.: Наука, 1992; Хайек Ф. Дорога к рабству. М.: Экономика, 1992; Andreski S. Max Weber's Insights and Errors. London; Boston: Routledge & Kegan Paul, 1984; Arendt H. The Origins of Totalitarianism. N. Y., 1966; Armstrong J. The Politics of Totalitarianism. N. Y., 1961; Friedrich C. J., Brzezinski Z. K. Totalitarian Dictatorship and Autocracy. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1956; и др.

с тем в последующие годы ряд зарубежных и российских историков выступили с критикой данного термина, доказывая, что реальная жизнь в Советском Союзе не исчерпывается понятием «тоталитаризм». По мнению О. В. Большаковой, эти «историки <...> по-разному оценивали тоталитарную модель, в центре которой находилось монолитное репрессивное государство и догматическая идеология», ибо «считали, что эта поверхностная механистическая модель, по сути навязанная политологами, не описывает и тем более не объясняет историческую реальность, не помогает в постановке новых исследовательских проблем и в осмыслении эмпирических данных», являясь, кроме того, «идеологически нагруженной»¹.

В этом плане значительный интерес представляет позиция московских историков М. М. Горинова и А. С. Сенявского, сформулированная ими в конце 1990-х годов². В предисловии к главе пятой учебного пособия для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности «История», давалась следующая характеристика историографической ситуации:

В понимании сущности и механизмов функционирования советского общества 30-х годов в западной (а в последние годы и в отечественной) историографии противостоят друг другу два главных направления: «тоталитарное» и «модернизаторско-ревизионистское». По их мнению, «тоталитаристы» считают Октябрь 1917 г. «не пролетарской революцией, а заговором и государственным переворотом, осуществленным монолитной большевистской партией», сталинизм — органичным результатом ленинизма, а советскую систему — тоталитарной, державшейся на терроре и лжи, с точки зрения морали идентичной нацизму и фашизму. Согласно представлениям «ревизионистов», Октябрь — это пролетарская революция, Сталин — «аберрация» ленинской нормы, советский режим при всей его социалистической риторике и мрачном сталинистском прошлом фасаде — основа для «развития»: индустриализации, урбанизации и массового образования, подобно «авторитарным» режимам в других отсталых странах, причем в ходе

¹ Большакова О. В. За пределами тоталитаризма: сравнивая сталинизм и нацизм (реферат) // Труды по россииеведению: Сб. научных трудов. М.: ИНИОН РАН, 2011. Вып. 3. С. 323.

² История России. XX век. М.: АСТ, 2001. Раздел II. Гл. 5.

дальнейших изысканий часть «ревизионистов» пришла к заключению о демократических корнях сталинского пятилетнего плана и о том, что сложившийся советский строй представлял собой взаимодействие «групп интересов»¹.

На наш взгляд, здесь содержится весьма упрощенная характеристика взглядов так называемых «тоталитаристов». В заключении к главе М. М. Горинов и А. С. Сенявский в развернутом виде излагали свое видение данной проблемы:

Сложившееся в результате октябрьского (1917) переворота и Гражданской войны общество в основе своей содержало зародыш тоталитарности. Это означало, в частности, огромную роль идеологии во всех сферах, стремление государства контролировать и регулировать как можно больше областей общественной жизни. Полностью тоталитарные структуры сформировались к середине 1930-х гг. <...> Возникновение советской тоталитарной системы в начале XX в. было одним из способов выхода урбанизированного и маргинализированного общества из ситуации глобального общественного кризиса, причем в тех условиях он оказался единственно реализуемым. <...> Возможно, «тоталитарность» оказалась способом самосохранения российской цивилизации (при всех ее деформациях) в объективно тяжелейших условиях модернизации XX в.: в индустриальном рывке, урбанизационном и демографическом переходах, трансформации экистической и социальной структур, в противостоянии внешнему давлению враждебного мира, в том числе в отражении и сдерживании прямой агрессии. Тоталитаризм в его коммунистической модели явился формой трансформации традиционного российского общества в городское. <...> Для понятия «тоталитаризм», выработанного на Западе «тоталитарной школой» в качестве научной категории для обозначения ряда разновидностей «недемократических» обществ и действительно «схватившего» некоторые сущностные моменты прежде всего советского режима, характерен односторонний негативизм. Связано это с тем, что оно сразу же приобрело аксиологическую нагрузку, обозначив «антиценность» индивидуалистического западного сознания. Результатом является явная пристрастность оценок всех режимов, подводимых

¹ История России. XX век. Раздел II. Гл. 5.

под эту категорию, а тоталитаризм стал синонимом «мирового зла», выйдя далеко за рамки науки. <...> «Красный» тоталитаризм в отечественной истории также не был только насилием над обществом: он просто не мог бы утвердиться, если бы не имел социальной почвы и не получил широкой поддержки, если бы не решал (своими методами) действительно насущных проблем общественного развития, в том числе в большей или меньшей степени поступаясь доктринальными принципами. <...> Таким образом, тоталитаризм не изменил основного направления развития ни российского общества в целом в рамках техногенной цивилизации, ни урбанизационного процесса: он придал им особую форму и задал форсированный темп. До определенной стадии он способствовал сокращению отставания России от лидеров технологической гонки XX столетия¹.

Таким образом, М. М. Горинов и А. С. Сенявский, признавая наличие «красного тоталитаризма», сформировавшегося полностью к середине 1930-х годов, возражают лишь против однозначно отрицательного толкования термина «тоталитаризм», призывая оценивать его природу и результаты в конкретно-исторической обстановке.

Дискуссии о природе тоталитаризма, его сущности, временных рамках, применимости к тем или иным политическим режимам продолжаются по сей день и, безусловно, будут продолжаться в дальнейшем. Следует указать на историографический обзор взглядов на природу тоталитаризма, подготовленный В. П. Любиным², а также на статью М. В. Казьминой³. На мой взгляд, следует согласиться с выводом М. В. Казьминой, что «применительно к концепции тоталитаризма можно констатировать переосмысление содержания, освобождение от политической конъюнктуры, усложнение видения исторического феномена <...> придав самому термину конкретный исторический

¹ Там же.

² Любин В. П. Преодоление прошлого: споры о тоталитаризме. Аналитический обзор. М.: ИНИОН РАН, 2004.

³ Казьмина М. В. Дискуссия в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. о значении концепции тоталитаризма в осмыслении советской истории 1930-х гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2008. № 1 (33). С. 19–28.

смысла»¹. Можно напомнить суждение М. Я. Гефтера, высказанное еще в 1993 году, что, хотя «природа тоталитарных режимов едина», ибо они стремятся к «окончательному решению», будь то раскулачивание или Холокост, провоцируют род человеческий на самоуничтожение, «коренная трудность <...> состоит в том, что само понятие это имеет в виду не какую-то конкретную реальность, а специфически общие черты разных исторических „тел“, у каждого из которых своя родословная, несовпадающий по времени, да и по сути, генезис»². Любопытна мысль, которую высказал Уве Баккес, замдиректора Института Ханны Арендт на IV Парижском международном коллоквиуме в октябре 2004 года, что сила тоталитарного соблазна в способности мобилизовать умы перспективой «создания неба на земле»³.

Важнейшая черта тоталитаризма — стремление к всеохватывающему и всепроникающему контролю во всех без исключения сферах общественной и частной жизни граждан. Следует заметить, что это стремление, безусловно, никогда не может достигнуть своего абсолютного предела. От «тоталитаризма» отличают «авторитарные системы», не претендующие на абсолютный, монопольный контроль над обществом. Здесь всегда остается тот или иной ряд сфер, свободных от прямого вмешательства власти: экономика, наука, искусство, личная жизнь граждан и т. д.

Применительно к истории Советской России наиболее распространенной является точка зрения, что до начала 1930-х годов господствующий режим был авторитарным. Решающим же поворотом в переходе от авторитарной к тоталитарной системе стал конец 1920-х: победа во внутрипартийной борьбе группы Сталина, выбор курса «большого скачка», коллективизация, позволившая государству установить не только политический и идеологический, но и экономический контроль над

¹ Казьмина М. В. Дискуссия в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. о значении концепции тоталитаризма в осмыслении советской истории 1930-х гг. С. 26.

² Гефтер М. Я. Агония тоталитаризма // Демократия и тоталитаризм: европейский опыт XX века. Екатеринбург, 1993. С. 8.

³ См.: Бабинцев В. Лейтенант Паскаль и его анабасис: восхождение в Россию // Паскаль П. Русский дневник: Во французской военной миссии (1916–1918). Екатеринбург: Гонзо, 2014. С. 18–19.

миллионами крестьянских хозяйств, объединенных в колхозы¹. Известный советский и российский философ и политолог И. К. Пантин пишет по этому поводу: «Термин „тоталитаризм“ правомерно употреблять только в конкретно-историческом значении, как стремление власти к тотальному управлению общественной жизнью. При Сталине такой тоталитаризм был. <...> При Хрущеве <...> уже нет»². Исследователь политической системы тоталитаризма Н. В. Работяжев отмечал, что «наиболее близко к „чистому“ типу тоталитаризма СССР подошел в годы правления Сталина. <...> Большевистская диктатура эпохи Ленина и первых лет после его смерти, как и послесталинский режим, менее соответствовали „идеальному“ типу тоталитаризма, чем сталинизм»³. Эту точку зрения разделял и известный историк Ю. И. Игрицкий (1934–2016). По его мнению, «на смену жесткому тоталитаризму приходили сначала „смягченный“ тоталитаризм, а затем авторитаризм»⁴. Естественно, что в дискуссиях о тоталитаризме большое внимание уделяется его системообразующим признакам⁵. Одним из наиболее емких определений тоталитаризма нам представляется формулировка, предложенная Ю. И. Игрицким. Он подчеркивает, что это режим «государственной власти, сосредотачивающейся в ядре (центре) государства посредством одной и единой политической организации, отождествившей себя с государством или сросшейся с ним и ставящей целью полностью взять под свой идеологический и политический (а по возможности и экономический) контроль как общество в целом, так и важнейшие

¹ Бордюгов Г. А., Козлов В. А. История и конъюнктура. М., 1992; Бутенко А. П. Откуда и куда мы идем. Взгляд философа на историю советского общества. Л.: Лениздат, 1990; Голанд Ю. Кризисы, разрушившие нэп. М., 1991; Гордон Л. А., Клопов Э. В. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30–40-е годы. М.: Политиздат, 1989; и др.

² СССР. Незавершенный проект (Размышления о марксизме). М.: ЛЕНАНД, 2013. С. 228.

³ Работяжев Н. В. Политическая система тоталитаризма: структура и характерные особенности // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 1998. № 1. С. 4.

⁴ Игрицкий Ю. И. Дуалистичное государство или старый добрый авторитаризм? // Политическая наука. 2012. № 1. С. 201.

⁵ Там же; Он же. Тоталитаризм: что это такое? Ч. 1, 2. М.: ИНИОН, 1993; и др.

его составные части, способные оспорить данную — тоталитарную — государственную власть»¹.

Среди тех, кто в настоящее время решительно не приемлет термин «тоталитаризм», следует назвать М. А. Колерова². Он именует этот термин инструментом «политической пропаганды <...> который по-прежнему преследует свободное исследование диктатур середины XX века в Германии, Италии и СССР»³. Чем же обосновывает автор свою позицию? Цитируя множество философов, историков, политологов Старого и Нового Света, он стремится доказать, что термин «тоталитаризм» явился порождением «верных учеников русских партийных противников большевиков в России и, главное, верных учеников маргинального австро-немецкого либертарианского клана в Англии и США» (Ф. Хайека, Х. Арендт, К. Поппера, К. Фридриха, З. Бжезинского и др.), кроме того «исторический колониальный расизм лежит в основе доктрины „тоталитаризма“.<...> Тоталитаризму и сталинизму эти критики вменяют не их специфические черты, а характеристики всей европейской индустриализации XIX — начала XX вв.»⁴. Модест Алексеевич не стесняется в выражениях в адрес защитников термина «тоталитаризм», заявляя, что в «собственно русской историографии, традиционно сильной своим позитивизмом, но часто слабой в отношении миметических „теорий“, „тоталитаризм“ все еще собирает свою жатву, превращая даже золото науки в пропагандистские черепки»⁵. По его мнению, признаки тоталитаризма легко найти в политической практике западных, так называемых демократических государств. В частности, он ссылается на П. Кроссера, который указывал на то, «что для индустриального военного дела тотальная мобилизация — не только вынужденная практика

¹ Игрицкий Ю.И. Снова о тоталитаризме // Отечественная история. 1993. № 1. С. 11.

² Колеров М. Русские и партийные корни западной доктрины «тоталитаризма» // Революции 1917 года в России и славянские народы Европы: Сб. материалов международной научно-практической конференции. Прага, 2017. С. 73–100; Он же. Тоталитаризм. Русская программа для западной доктрины. М.: Изд. кн. магазина «Циолковский», 2018.

³ Там же. С. 5.

⁴ Там же. С. 34, 51, 52.

⁵ Там же. С. 56.

милитаризации в ходе военных действий, но и осознанная задача планирования, а индустриальная милитаризация — ойкумена государственного капитализма¹. Но тут же М. А. Колеров высоко оценивает мнение эмигранта, российского философа права П. И. Новгородцева, считавшего, что так называемая «диктатура пролетариата» практически свелась «к олигархическому господству партийных вождей, властвующих и над своей партией, и над народом при помощи демагогии и тирании»². В конечном счете Модест Алексеевич в своем неприятии тоталитаризма как определенной политической системы ссылается на внепартийную теорию тоталитаризма Г. Маркузе:

Сам способ организации технологической основы современного индустриального общества заставляет его быть тоталитарным; ибо «тоталитарное» здесь означает не только террористическое политическое координирование общества, но также не террористическое экономико-техническое координирование, осуществляющееся за счет манипуляции потребностями посредством имущественных прав. <...> В обществе тотальной мобилизации, формирование которого происходит в наиболее развитых странах индустриальной цивилизации, можно видеть, как слияние черт Государства Благосостояния и Государства Войны приводит к появлению некоего продуктивного гибрида. <...> Основные тенденции такого общества уже известны: концентрация национальной экономики вокруг потребностей крупных корпораций при роли правительства как стимулирующей, поддерживающей, а иногда даже контролирующей силы; включение этой экономики в мировую систему военных альянсов, денежных соглашений, технической взаимопомощи и проектов развития... вторжение общественного мнения в частное домашнее хозяйство; открытие дверей спальни перед средствами массовой коммуникации³.

Таким образом, М. А. Колеров считает «тоталитаризм» реальностью «индустриального мира»⁴. Но при этом не замечает или не хочет замечать существенной разницы, в частности

¹ Там же. С. 40.

² Там же. С. 61.

³ Там же. С. 66–67.

⁴ Там же. С. 145.

в 1930-х годах, между реальной политической практикой СССР, Германии и Италии и другими государствами Европы и Северной Америки. В последних продолжала существовать рыночная экономика; были не только монополии, но и мелкая, и средняя частная собственность, а также разнообразные политические партии (даже в странах с четко выраженным правыми режимами (Финляндия, Венгрия)); кроме того, отсутствовал государственный террор против своих граждан. У зарубежных историков, специалистов по советской истории, также нет единого мнения касательно проблемы «тоталитаризма». По замечанию заслуженного профессора Чикагского университета Ш. Фицпатрик, на протяжении многих лет в интерпретациях истории Советского Союза в западной историографии господствовала «тоталитарная модель, основанная на несколько очернительском отождествлении нацистской Германии и сталинской России. Эта парадигма подчеркивала всемогущество тоталитарного государства и его „рычагов управления“, уделяя значительное внимание идеологии и пропаганде и в целом пренебрегала социальной сферой (которая считалась пассивной и фрагментированной тоталитарным государством)¹. К началу 1980-х годов возникло направление так называемых «ревизионистов», поставивших под сомнение шаблонность применения термина «тоталитаризм» по отношению к политической системе СССР. К представителям этого направления можно отнести Ш. Фицпатрик. В этой связи она отметила в 2022 году, что «к 1980 г. термин „тоталитаризм“, оставаясь ярким и эмоционально заряженным для западной публики, потерял свою привлекательность в академических кругах. Среди прочих его критиковали американские политологи Стивен Коэн и Джерри Хафф»². Напомним, что в своей последней книге С. Коэн выделил шесть основных компонентов советской системы:

официальная и непреложная идеология; особо авторитарная правящая Коммунистическая партия; партийная диктатура во всем, что

¹ Фицпатрик Ш. Русская революция. Изд. 3. М.: Изд-во ин-та Гайдара, 2018. С. 23.

² Фицпатрик Ш. Кратчайшая история Советского Союза. М.: Альпина нон-фикшн, 2023. С. 11.

имеет отношение к политике, с опорой на силу политической полиции; общенациональная пирамида псевдодемократических Советов; монополистический контроль государства над экономикой и всей значимой собственностью; многонациональная федерация (или Союз) республик, являвшаяся в действительности унитарным государством, управляемым из Москвы¹.

Другой вопрос, что С. Коэн не считал эту систему застывшей и подчеркивал возможность ее реформирования. К тому же сама Ш. Фицпатрик следующим образом характеризует среду обитания советского человека с начала 1930-х годов:

Господство коммунистической партии, марксистско-ленинская идеология, буйно разросшаяся бюрократия, культы вождей, контроль государства над производством и распределением, социальное строительство, выдвижение рабочих, преследования «классовых врагов», полицейский надзор, террор и различные неформальные, личные сделки и договоренности, помогающие людям на всех уровнях защитить себя и добыть дефицитные блага, — вот что составляет сталинистскую среду. <...> Именно в 1930-е окончательно сформировался сталинизм как особая жизненная среда, в основных своих чертах просуществовавшая и всю послесталинскую эпоху вплоть до горбачевской перестройки 1980-х гг.²

Даже те, кто признает заслуги «историков-ревизионистов», доказывающих, что СССР не был тоталитарным, одновременно отмечают (например, немецкий историк Й. Баберовски), что «ревизионисты» спутали претензию на тотальность с тоталитарным господством. Режим не мог осуществить свои тоталитарные претензии, но постоянно пытался сделать это. В ходе этих попыток «общественная и приватная сферы жизни в СССР были устроены заново и упорядочены по репрессивному принципу»³. На наш

¹ Коэн С. «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза. Изд. 3. М.: АИРО-XXI, 2022. С. 22.

² Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2008. С. 10.

³ См.: Тепляков А. Эпоха репрессий: Субъекты и объекты // Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет / Под ред. Г. А. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2013. С. 1147.

взгляд, у «историков-ревизионистов» действительно происходит подмена понятий. Стремление к тоталитарному контролю, контролю во всех сферах жизни общества и частного гражданина, безусловно, существовало, но осуществить его реально власть просто была не в состоянии. Мысль о политическом контроле как одной из важнейших задач формирования и существования тоталитарного государства разделяют и другие авторы¹.

Например, Д. Ширер, профессор истории Делавэрского университета (США), отмечал, что «в классическом определении советского тоталитаризма насилие считается неотъемлемой частью большевистской политической культуры и идеологии», но тут же замечал, что «насилие против общества нельзя считать уникальной особенностью сталинской эры или советской истории в целом», а также то, что некоторые из ученых «обращали внимание на преемственность в применении государственных форм насилия в общеевропейском масштабе»². В этом плане интересен подход ряда современных американских историков. Как справедливо отмечают П. С. Кабытов и О. Б. Леонтьева, целая группа американских историков-русистов «не мыслят власть как некую демоническую, всемогущую силу, а, напротив, описывают ее усилия со значительной долей скепсиса и иронии, подчеркивая элементы случайности, непоследовательности, амбивалентности в ее действиях и даже в самом выборе целей», а сталинизм «предстает не как некое досадное отклонение от магистральной линии хода всемирной истории, а как ключевая тема для понимания природы современного общества вообще, какова бы ни была его идеология»³. Например, П. Холквист и Д. Л. Хоффманн, практически не употребляя термин «тоталитаризм» и используя метод компаративного анализа, рассматривают проблему

¹ Головатенко А. Ю. Тоталитаризм XX века. М.: Школа-пресс, 1992. С. 56, 57; Джилас М. Новый класс // Джилас М. Лицо тоталитаризма. М.: Новости, 1992. С. 229, 232, 245, 285; Макаренко В. П. Революция и власть. Ростов-на-Дону, 1990. С. 164, 172; и др.

² Ширер Д. Сталинский военный социализм. Репрессии и общественный порядок в Советском Союзе, 1924–1953 гг. М.: РОССПЭН, 2014. С. 30–31.

³ Кабытов П. С., Леонтьева О. Б. Введение. Зенит «прекрасной эпохи»: сталинизм глазами американских историков // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Самарский университет, 2001. С. 16, 17.

политического надзора (П. Холквист) и в целом преобразования общества в Советской России и СССР (Д.Л. Хоффманн) в широком общеевропейском и общемировом контексте. В частности, П. Холквист указывает, что

надзор за населением ни в коей мере не был географически ограничен Россией или СССР, как не был он ограничен Первой мировой войной. <...> Перспектива тотальной войны и возникновение режимов национальной безопасности, призванных осуществлять ведение такой войны, требовали мобилизации собственного населения и сбора информации о нем не только в ходе войны, но и в мирное время¹.

Вместе с тем П. Холквист отмечает и важные особенности советского варианта: «Надзор за настроениями населения, таким образом, надо понимать не просто как „русский феномен“, а как вспомогательную функцию политики современной эпохи (*одним из вариантов которой является тоталитаризм*) (выделение наше. — В.И.). С этой точки зрения большевизм действительно может рассматриваться как нечто своеобразное. <...> Итак, хотя большевизм и представлял особый тип цивилизации, он был далеко не уникален и не самобытен². Схожую позицию занимает Д.Л. Хоффманн. Подчеркивая, что «сталинский режим был одним из самых репрессивных и жестоких в истории человечества», он одновременно видит свою цель в изучении «как „позитивной“, так и „негативной“ политики партийного руководства в отношении населения», ибо в его понимании это «единственный способ понять сущность сталинского режима, стремившегося переделать не только порядок, но и саму природу своих граждан и готового для осуществления данных целей к абсолютно беспрецедентному вмешательству в их жизнь»³. Поэтому, отмечая, что «насилие по отношению к отдельным группам населения и концентрационные лагеря

¹ Холквист П. «Осведомление — это альфа и омега нашей работы»: надзор за настроениями населения в годы большевистского режима и его общеевропейский контекст // Американская русистика. С. 68–69.

² Там же. С. 47.

³ Хоффманн Д.Л. Взращивание масс: модерное государство и советский социализм. 1914–1939. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 13.

не были изобретением советских лидеров», он тут же указывает и на важнейшие различия:

В других странах заключение людей в лагерь оставалось мерой безопасности, употребляемой только в военное время. Советское же руководство использовало подобные методы и в мирное время — в целях преобразования общества. Несмотря на сходство технологий государственного насилия, в СССР его размах был гораздо больше, чем в Западной Европе, а цели — куда масштабнее¹.

Наконец, С. Коткин показал, что в ситуации с промышленными рабочими, когда государство устанавливало определенные «правила игры» «с явным намерением добиться беспрекословного подчинения», «в ходе исполнения правил стало возможным оспаривать их или — чаще — обходить стороной»².

Недавно к данному вопросу обратился профессор истории Мельбурнского университета (Австралия) Марк Эделе³. Описывая историографию, связанную с употреблением термина «тоталитаризм», он пытается дать объективную оценку имеющимся трудам американских историков и указывает на то, что ряд авторов (Р. Пайпс, П. Кенез, З. Бжезинский) чрезмерно подчеркивали в контексте холодной войны негативные коннотации тоталитаризма на примере советской истории⁴. Одновременно Эделе демонстрирует, как, употребляя термин «тоталитаризм», другие исследователи (М. Левин, С. Коткин, Р. Такер) показывали сложность реально происходивших исторических процессов⁵. И, конечно, необходимо помнить, что цели и идеалы у государств, политическую систему которых на определенном этапе можно считать «тоталитарной», были различными и даже противоположными. Сталин мог использовать в своей риторике формально демократические лозунги, нисколько не противореча партийным документам.

¹ Хоффманн Д. Л. Возвращение масс. С. 32.

² Коткин С. Говорить по-большевистски (из книги «Магнитная гора. Стalinизм как цивилизация) // Американская русистика. С. 282.

³ Edele M. Debates on Stalinism. Manchester: Manchester University Press, 2020.

⁴ Ibid. P. 55–57, 185–186.

⁵ Ibid. P. 62–63, 150–151.